

Бъ Николаю Васильевичу Гоголю.

153.

(Петербургъ, мартъ 1846) 1).

Хорошо, что вы первые ко мнѣ написали, ибо я, кажется, не рѣшился бы начать переписки съ вами. Я давно отъ души желалъ съ вами сблизиться, еще прежде, чѣмъ познакомился съ А. Ос. 2). Я желалъ этого не изъ любопытства или изъ тщеславія, а потому, что внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что вы можете сдѣлать мнѣ много добра. Вы не могли этого не замѣтить. По нѣскольку разъ брался я за перо и бросалъ неоконченныя письма; меня удерживало то самое, что выговорили вы въ началѣ вашего письма. И вы и многіе другіе считали меня ненадежнымъ. Это, разумѣется, не могло отъ меня укрыться; я очень ясно видѣлъ, что на меня смотрѣли съ чувствомъ какого-то

---

1) На этомъ письмѣ нѣтъ помѣты года и мѣсяца, но содержаніе его указываетъ, что оно окончено, по всей вѣроятности, въ началѣ марта 1846 года. Оно служить отвѣтомъ на письмо Гоголя къ Ю. Ѡ-чу изъ Рима отъ 3-го января 1846 года (см. приложение V), письмо, полученное Ю. Ѡ-чемъ въ концѣ января (ср. слова Ю. Ѡ-ча въ письмѣ къ К. С. Аксакову отъ 27 января 1846 г.: „я также получилъ отъ него письмо наканунѣ, которое когда-нибудь сообщу тебѣ“). Слѣдовательно, настоящее письмо начато было, вѣроятно, или въ концѣ января, или въ началѣ февраля, а окончено было, какъ видно изъ окончанія письма, спустя мѣсяць слишкомъ, т. е. въ началѣ марта. Подлинники писемъ Ю. Ѡ-ча къ Гоголю находятся въ Румянцевскомъ музеѣ.

2) Т. е. съ Александрой Осиповной Смирновой.

холоднаго соболѣзнованія, какъ на больного, осужденнаго на смерть и котораго никто не беретъ лѣчить, зная, что труды пропадутъ даромъ. Хорошо ли это было съ ихъ стороны и съ вашей--не мое дѣло разбирать. Можетъ быть, для меня нужно было провести нѣсколько лѣтъ подъ бременемъ всеобщей недовѣрчивости; можетъ быть, борьба съ общимъ мнѣніемъ, находившимъ отголосокъ во мнѣ самомъ, укрѣпила меня и принесла мнѣ пользу, но она оставила во мнѣ непріязненное чувство къ нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ и къ вамъ, и мнѣ нужно было все это вамъ высказать, чтобы раздѣлаться съ нимъ разъ навсегда. Какъ бы то ни было, это тяжелое для меня время прошло. Я никогда не забуду, какую радостью наполнилась душа моя при первыхъ одобрительныхъ привѣтствіяхъ; каждое слово, сказанное въ мою пользу и доходившее до меня, хранится въ моей памяти вмѣстѣ съ дорогими именами тѣхъ немногихъ, которые первые рѣшились ихъ вымолвить, наперекоръ общему мнѣнію. Наконецъ, и отъ васъ я услышалъ, что я спасенъ, что вы не боитесь за меня. Вы сами вызвали меня сказать вамъ все то, что хотѣлъ бы я сказать родному брату въ смыслѣ душевномъ. Много хотѣлъ бы я сказать и не знаю, съ чего начать. Начну съ того, чѣмъ душа болитъ.

Болѣзнь моя принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ въ наше время, хотя врачеваніе противъ нихъ не найдено: это—одностороннее развитіе ума, погасившее чувство и подорвавшее волю; цѣльность нравственнаго бытія, согласіе душевныхъ силъ и способностей нарушены во мнѣ исключительнымъ преобладаніемъ быстро и уединенно развившейся мысли и усыпленіемъ другихъ способностей. Я думаю, говорю, защищаю на словахъ одно, а на дѣлѣ покоряюсь другому; у меня есть убѣжденія, но нѣтъ ни вѣры, ни любви. Я это сознаю и не страдаю отъ этого; я живу довольно спокойно, я могу позабывать, что половина души моей отсохла и онѣмѣла. Я знаю, какъ это случилось. Въ дѣтствѣ и въ первой молодости моей я жилъ, какъ и всѣ, цѣльною, полною жизнью. Все, что уважали и чему поклонялись въ семейномъ кругу моемъ, казалось мнѣ естественнымъ, неприкосновеннымъ и святымъ; съ каждымъ новымъ понятіемъ,

приобрѣтаемымъ мною, измѣнялась настроенность всей души моей; одно религіозно-нравственное мѣрило служило мнѣ для повѣрки всякаго моего поступка и всякой мысли, такъ что малѣйшее отступленіе отъ него, даже невольный соблазнъ, даже дерзкое слово, не мною сказанное, но услышанное, наполняло меня раскаяніемъ. Изъ этого первобытнаго состоянія я вышелъ не самъ собой, не вслѣдствіе внутренняго побужденія, а вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, и потому, кажется мнѣ, вышелъ изъ него преждевременно. Случайно попались мнѣ въ руки нѣкоторыя произведенія современной французской литературы; я помню, какъ сильно они потрясли меня. Горделивое возстаніе личнаго духа противъ мірового порядка предстало мнѣ въ идеальномъ образѣ современной поэзіи; его неотразимый соблазнъ плѣнилъ меня. Я понялъ вдругъ возможность, не нарушая отношеній, среди которыхъ я былъ поставленъ, оторваться мыслью ото всего, чему я бессознательно покорялся, испытать одиночества и душевнаго безначалія, вкусить невѣдомыхъ высокихъ страданій и все это скрыть отъ другихъ. Съ этого времени обращеніе мое перемѣнилось, прежняя моя откровенность исчезла, но причины никто не угадалъ. Искусственно возбужденная мысль работала день и ночь; я умышленно убивалъ въ себѣ всѣ непосредственныя движенія души, подвергая ихъ строгому анализу и стараясь опорочить ихъ въ собственныхъ моихъ глазахъ. Это удалось мнѣ сверхъ чаянія. Въ жизни моей ничто не измѣнилось; я исполнялъ попрежнему всѣ предписанныя мнѣ обязанности, но я успѣлъ откинуть отъ себя всѣ сочувствія, врожденныя и привитыя воспитаніемъ, всю покорность религіознымъ началамъ, семейнымъ обычаямъ; мало-по-малу, все сдѣлалось для меня вопросомъ, предметомъ внутренняго спора; одно допущенное сомнѣніе влекло за собою другое и, разъ ступивши на эту дорогу, я уже не могъ остановиться. Говорятъ, что сомнѣніе находитъ на человѣка безъ его вѣдома и произволенія, какъ болѣзнь, неизбежная при переходѣ въ извѣстный возрастъ. Я не вѣрю этому; по крайней мѣрѣ, по собственному опыту я знаю, что бываетъ минута свободнаго соглашенія, въ которую человекъ добровольно подпускаетъ къ себѣ сомнѣніе и даетъ

ему власть надъ собой. Въ моемъ развитіи преступное желаніе сомнѣнія и внутренняго разрыва было началомъ, а не слѣдствіемъ, или, лучше, оно было для меня желанною цѣлью. Такимъ образомъ былъ я приготовленъ, когда я встрѣтился съ нашими общими знакомыми; мысль моя, развившись односторонно на счетъ другихъ способностей, приобрѣла ту непреклонную, холодную послѣдовательность, ту безошадную строгость развитія, которая позволила мнѣ стать съ ними въ уровень и принять самостоятельное участіе въ безконечныхъ спорахъ. Я не стану подробно рассказывать вамъ, какое вліяніе они на меня имѣли; скажу вамъ только вообще, что они помогли мнѣ острѣе пробѣжать весь кругъ философскаго отрицанія. Вотъ, въ двухъ словахъ, исторія моей мысли. Христіанство заключаетъ въ себѣ не одно ученіе, но вмѣстѣ начало жизни, творчество. Мы привыкли отдѣлять эти двѣ стороны, тогда какъ онѣ нераздѣльны; ихъ единство—въ Томъ, Который ставитъ норму, даетъ законъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ человѣку способность понять его и силу исполнить. Поэтому христіанство воспринимается не однимъ умомъ, а всѣмъ существомъ человѣка. Тотъ, кто хочетъ понять его логически, какъ понимаемъ мы всякое другое ученіе, никогда не пойметъ его, ибо самое требованіе ложно, ибо понять живое можетъ только тотъ, кто живетъ его жизнью. Отстранивъ живое сочувствіе и приступивъ къ христіанству съ требованіями логическаго постиженія, я долженъ былъ дойти до того же, до чего дошла новѣйшая философія, то-есть до совершеннаго отрицанія не только христіанства, но вообще всякаго бытія первоначальнаго, независимаго отъ знанія. За этимъ крайнимъ предѣломъ отрицанія возникаетъ требованіе возсоздать разрушенное и это требованіе остается неудовлетвореннымъ; уничтоживъ бытіе, мысль оказывается несостоятельною сотворить отъ себя что-либо живое. Начало творчества вступаетъ въ свои права, какъ самобытное, отъ мышленія независимое начало. Послѣдствія ясны. Такимъ образомъ, пройдя весь этотъ путь, я дошелъ до признанія живой истины и необходимости живого ея постиженія, но самое это признаніе было результатомъ науки; это было только убѣжденіе, тощее

твореніе мысли. Повидимому, я пришелъ къ тому же, отъ чего я отправился, но тутъ только я понялъ всю цѣну утраченнаго, или, лучше, отвергнутаго мною. Я самъ обезсилилъ въ себѣ душевный органъ живого постиженія; я былъ равнодушенъ къ найденной истинѣ. Впрочемъ, и это я понялъ не скоро. Сильно возбужденная дѣятельность мысли, раздражаемой безпрестаннымъ противорѣчіемъ, скрывала отъ меня мертвенное усыпленіе другихъ способностей. Я могъ не чувствовать, что убѣжденіе и вѣра, что понятіе о любви и дѣйствительная любовь, что слово и дѣло—не одно и то же. Изрѣдка пробуждалось во мнѣ темное сознаніе односторонности моего развитія при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который въ умственномъ отношеніи стоялъ ниже меня, не выговаривалъ и не отстаивалъ своихъ убѣжденій, но который не боялся моихъ возраженій, котораго мои вопросы не смущали. Но все это были мимолетныя впечатлѣнія. Только съ переѣзда моего въ Петербургъ приобрѣли они для меня всю достовѣрность и ясность пережитаго опыта. Здѣсь все мнѣ было чуждо, если не прямо враждебно; но спора, въ которомъ бы я отстаивалъ свое убѣжденіе, не могло быть. Я имѣлъ дѣло съ безмолвнымъ, неосязаемымъ врагомъ; не опроверженіями онъ подрывалъ мои убѣжденія, онъ грозилъ пересоздать меня съ ногъ до головы, приманками онъ склонялъ меня на уступки. И, къ стыду своему, я понялъ, какъ много я могъ уступить и какъ легко; понялъ, какъ слабо одно холодное убѣжденіе противъ давленія свѣта. Это была самая опасная минута. Спасла и поддержала меня встрѣча съ А. О. 1). Она оцѣнила во мнѣ именно то, чего свѣтъ не цѣнилъ, надъ чѣмъ онъ смѣялся; ея участіе вознаградило меня за всѣ мои страданія; я сдѣлался равнодушенъ къ свѣту и ко всѣмъ его приманкамъ; я совершенно отсталъ отъ него и навсегда. Не осуждайте меня за это. Чувство нравственнаго самосохраненія склонило меня на это; можетъ быть, когда-нибудь я окрѣпну духомъ, но теперь я еще не могу безнаказанно жить въ свѣтѣ. Я не могу быть полезенъ, ибо не преподаваніе истины пробуждаетъ въ человѣкѣ усыпленные способ-

1) Т. е. съ Александрой Осиповной Смирновой.

ности души; пробудить къ жизни можетъ только живое. Я это знаю по опыту. Всѣ меня слушали съ любопытствомъ, но никогда ни на кого я не имѣлъ вліянія. И какъ имѣть мнѣ вліяніе на другого, когда во мнѣ самомъ жизнь и сознаніе въ такомъ разладѣ?

Я сказалъ вамъ, въ чемъ заключается болѣзнь души моей; она такъ извѣстна, такъ распространена въ наше время, что одного указанія вамъ достаточно, чтобы понять ее. Къ несчастію, она такого рода, что трудно придумать для нея образъ лѣченія. Мысль развивается сама собою, безъ всякаго внѣшняго побужденія, и пробѣгаетъ свой путь по законамъ логической необходимости; одно убѣжденіе смѣняется другимъ, имъ же условленнымъ, но никогда убѣжденіе само собою не породитъ вѣры, понятіе о любви не согрѣетъ души, знаніе не перейдетъ въ творчество. Все живое, творческое не приобрѣтается, а падаетъ съ неба. Я вѣрю, что оно падетъ на каждого, но я даже не имѣю силъ ни просить, ни желать его.

Это недописанное письмо пролежало въ моемъ столѣ болѣе мѣсяца. Различныя хлопоты развлекли меня. Я перемѣнилъ службу, перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и прикомандированъ былъ къ комитету по лифляндскимъ дѣламъ ¹⁾; теперь я заваленъ дѣломъ. Я снова перечиталъ то, что написалъ съ мѣсяцъ тому назадъ; многое хотѣлъ бы прибавить, но лучше отложить это до другого раза. Это письмо объяснить вамъ главное и будетъ основой всѣхъ послѣдующихъ. Теперь я буду писать къ вамъ всякій разъ, когда почувствую потребность исповѣди, не дожидаясь отвѣтовъ. Вы сами знаете, когда будетъ нужно отвѣчать, но вы должны знать еще, что ничьему наставленію я не послѣдую такъ охотно, какъ вашему; я готовъ слушаться васъ, я къ вамъ имѣю полное довѣріе. Вотъ вамъ мой адресъ: Юрію Ѳедоровичу Самарину, по Моховой улицѣ, въ домѣ Мелиховой. Вѣроятно, черезъ мѣсяцъ или два я поѣду въ Ригу, но, во всякомъ случаѣ, пишите въ Петербургъ; я распоря-

¹⁾ См. примѣч. 1-ое къ письму за № 127 и примѣч. 2-ое къ письму за № 128.

признаюсь, я почти насильно останавливать на ней мысль мою, которая, по старому навыку, обращалась къ другимъ предметамъ. Меня сильно подмывало написать статью о современной безалаберщинѣ въ Западной Европѣ и меня остановило только то, конечно, довольно важное, обстоятельство, что подобной статьи нельзя напечатать, а если бы и напечатать, то для нея не нашлось бы читателей. Хотѣлось же мнѣ показать, что между горделивыми притязаніями отвлеченнаго мышленія и дикимъ разгуломъ торжествующей печати, между Гегелевою философіею и коммунизмомъ Франціи существуетъ самая тѣсная, самая законная связь, но доселѣ не опредѣленная. Нѣмцы, признававшіе ее, видѣли въ коммунизмѣ выводъ самой философіи, ея требованіе, тогда какъ онъ есть выводъ жизни, требованіе человѣческой природы, перевоспитанной, или, точнѣе, изуродованной Гегелемъ. Все разумное—дѣйствительно и только разумное—дѣйствительно; разумнымъ же признается не то бытіе, въ которомъ человѣкъ убѣждается внутреннимъ или внѣшнимъ инстинктомъ или въ которомъ разумъ не находитъ противорѣчія, а только то признается разумнымъ, что самую мысль выведено изъ нея самой, что ею создано. Итакъ, знаніе мысли о себѣ самой есть верховное проявленіе истины, упраздняющее всё предшествовавшія. Какъ вмѣстилище, или какъ органъ мысли, человѣкъ создаетъ истину; но истина, какъ сознаніе мысли о себѣ самой (и только), вѣдаетъ человѣка только, какъ мыслящее существо, какъ родъ, не какъ лицо; созданная человѣкомъ истина не создаетъ его въ свою очередь, не воздѣйствуетъ на него, именно потому, что она — его созданіе. Такимъ образомъ, разрывается связь, въ которую искони вѣровало человѣчество (религія есть religare, связывать), между Верховною Истиною, между Началомъ всякаго бытія и конечнымъ проявленіемъ бытія въ личности человѣческой. Истина, равнодушная къ нему, не только не вѣдаетъ его потребностей, не управляетъ его волею, не предписываетъ ему законовъ, даже не предъявляетъ законодательныхъ притязаній. Разумное, законное изгнано изъ сферы личности, и, вслѣдствіе этого, предоставленная себѣ одной, она въ себѣ самой призвала свой законъ — въ личной слу-

чайности своихъ требованій. Отсюда—оправданіе всякой потребности и провозглашеніе цѣли жизни въ личномъ наслажденіи. Проводя далѣе этотъ выводъ, можно показать, что всякое покушеніе мысли въ себѣ самой найти точку своего отправленія ведетъ непременно къ безусловной и всесторонней автономіи личности, къ тому развѣдающему началу, противъ котораго не устоитъ никакое общество, и, наоборотъ, всякое признаніе чего-нибудь, существующаго по себѣ, есть начало религіи или ....¹⁾, не сознающая себя религія. Впрочемъ, кому до этого дѣло? Гдѣ тотъ человѣкъ, который бы устраивалъ свою внутреннюю жизнь по выводамъ логики, и не всегда ли, наоборотъ, покорная логика оправдываетъ то, что полюбилъ человѣкъ, или что принялъ на вѣру, или что навязала ему привычка? Конечно, логика можетъ навести спасительное сомнѣніе въ законности и разумности бессознательныхъ убѣжденій, но въ такомъ случаѣ, если другая сила не восполнитъ пустоты, произведенной логикою, то остается одна пустота, одно утомленіе, а это начало и безъ помощи логики неисчислимыми путями пролагаетъ себѣ дорогу въ душу.

Я расписался на прощанье и всё-таки многого не досказалъ. Хотѣлось мнѣ съ вами поговорить о предметахъ болѣе близкихъ мнѣ, но въ этотъ разъ какъ-то не удалось. Скажу вамъ только одно: я очень чувствую, что многое во мнѣ должно было васъ оскорблять и не васъ однихъ, но повѣрьте, что я вполнѣ сознаю недостатки, дѣлающіе меня подчасъ нестерпимымъ; я самъ страдаю отъ нихъ не менѣе, больше другихъ; я прошу васъ только любить меня попрежнему, не смотря на эти недостатки, которыхъ преодолѣть не отчаиваюсь. Затѣмъ, отъ души васъ обнимаю.

1) Въ подлинникѣ стоитъ: „недоведенная“.

отъ Николенки (перья и Рёпеля ¹⁾). Здѣсь ожидаютъ въ скоромъ времени Наслѣдника, а потомъ Государя. Надѣюсь скоро получить отъ васъ письма. Обнимаю васъ нѣжно, маменьку, Машу и всѣхъ.

---

¹⁾ Dr. Richard Roepell. Geschichte Polens.

Къ Владиміру Ѳедоровичу Самарину ¹⁾.

220.

(Петербургъ, 1846) ²⁾.

Любезный Володя, я получилъ твое письмо и былъ имъ весьма доволенъ. Ты пишешь мнѣ, что ты находишь наслажденіе въ занятіяхъ; это—дѣло естественное, и мнѣ и въ голову не приходитъ сомнѣваться въ твоей искренности. Теперь уже наступило для тебя то время, когда пробуждается самобытная дѣятельность мысли, когда мысль начинаетъ повѣрять и оцѣнивать все пріобрѣтенное знаніе и дѣлать изъ него свои выводы, когда образуются первыя убѣжденія, едва ли не самыя важныя. Не выдавшись съ тобою давно, я не знаю, какое направленіе приметъ мысль твоя, но, сколько я знаю профессоровъ, которыхъ ты слушалъ, и характеръ университетскаго преподаванія, мнѣ сдается отсюда, что ты на первыхъ порахъ едва ли избѣгнешь односторонности. Въ университетѣ господствуетъ начало нѣмецкаго рационализма на предпоследней ступени его развитія, то начало, которое признаетъ въ знаніи логическомъ послѣднюю сферу развитія духа и которое въ послѣднее время обличило свое безсиліе, когда, окончивъ съ грѣхомъ пополамъ свое логическое построеніе, оно встрѣтилось съ жизнью. Это направленіе особенно поучительно въ послѣднихъ, но неизбѣжныхъ его

¹⁾ Владиміръ Ѳедоровичъ Самаринъ (род. въ 1827 г., ум. въ 1872 г.)—братъ Ю. Ѳ-ча.

²⁾ Письмо это, какъ видно изъ послѣдней фразы: „Нашъ комитетъ закрыть, и, какъ скоро провожу Мишу, я, вѣроятно, поѣду въ Ригу“, относится къ июню 1846 г. Подъ комитетомъ нужно разумѣть Лифляндскій комитетъ 1846 г., помощникомъ производителя дѣлъ котораго состоялъ Ю. Ѳ-чъ. М. Ѳ. Самаринъ поѣхалъ за границу 13 іюля 1846 г.

крайностяхъ. Къ сожалѣнію, весьма немногіе доходятъ до конца. Большею частью принимаютъ на вѣру нѣкоторые результаты, не повѣряя ихъ, какъ дѣлаетъ Грановскій, или останавливаются на половинѣ дороги, какъ Рѣдкинъ. Впрочемъ, иначе и быть не можетъ. Односторонность ихъ философскихъ убѣжденій объясняется и поддерживается односторонностью ихъ историческихъ знаній. Система ихъ, вышедшая изъ условій западнаго развитія, прилагается къ исторіи народовъ западныхъ; но они забываютъ, что есть другая половина, цѣлый міръ православно-славянскій, который имъ вовсе не вѣдомъ и съ ихъ точки зрѣнія не можетъ быть понятъ. Изученіе этого міра и сочувствіе со всѣми его явленіями приготовить переворотъ въ наукѣ и предохранить насъ отъ соблазна высокоразвитой общественности западной и готовой науки. Зная по опыту, что это такъ, я прошу тебя принять совѣтъ: каковы бы ни были твои занятія, не удаляйся отъ той среды, въ которой ты поставленъ, и посвящай на изученіе ея часть твоихъ занятій. Читай отцовъ Православной Церкви, читай не бѣгло, не наскоро, а съ разстановкою и размышленіемъ, читай русскія лѣтописи, изданія Археографической Комиссіи. Не спѣши судить, выводить заключенія и строить системы, а старайся понять и пробудить въ себѣ тотъ духъ жизни, который вѣетъ въ нашей древней исторіи и который сохранилъ въ себѣ нашъ простой народъ. Это сочувствіе всей души важнѣе и плодотворнѣе рациональнаго развитія мысли. Не знаю, понялъ ли ты, что я хотѣлъ сказать. Для уясненія, предлагаю тебѣ писать мнѣ, хоть изрѣдка, о твоихъ занятіяхъ, сообщать мнѣ твои недоумѣнія, образъ мыслей и все, что будетъ занимать тебя, а я буду отвѣчать тебѣ. Еще одинъ совѣтъ. Напрасно ты отказался отъ охоты, не извѣдавъ ея разнообразныхъ радостей. Охота, не упоминая о другихъ ея достоинствахъ,—отличное средство противъ скуки и хандры. Засимъ прощай. Надобно мнѣ съѣздить къ графу Панину, который недавно пріѣхалъ. Обними отъ меня папеньку, маменьку, Машу, Николеньку, Петю и Митю. И тебя обнимаю, будь здоровъ и пользуйся лѣтомъ.

P. S... Нашъ комитетъ закрытъ, и, какъ скоро провожу Мишу, я, вѣроятно, поѣду въ Ригу.

221.

(Рига, 1847) ¹⁾.

Любезный Володя, я на-дняхъ искалъ у себя 4 № „Чтеній“ и очень удивлялся, не находя его, потому что я помнилъ, что я получилъ и прочелъ его. Теперь я припоминаю, что я изъ Риги везъ его съ собою въ Москву ²⁾ и позабылъ у васъ. Пришли мнѣ его при первой посылкѣ. Ты совершенно справедливо замѣчаешь, что въ эпоху Петра вводится у насъ терминологія для предметовъ не существующихъ, названія сословій, тогда какъ сословій не было. Ихъ точно не было въ смыслѣ западномъ, то-есть не было рѣзкаго, непроходимого разграниченія, не было суровой исключительности, не было зародышей будущихъ ненавистей и потрясеній. Доступъ всюду былъ открытъ всѣмъ. Но если не было сословій, было дѣленіе по занятіямъ и промысламъ. Былъ классъ служебный, который переименованъ только въ дворянское сословіе, былъ классъ торговый и т. д. При Петрѣ первоначальный характеръ нашихъ древнихъ учрежденій во многомъ измѣнился, но во многомъ также удержался, только подъ другими формами. Напримѣръ, законъ о томъ, что если два поколѣнія или три (навѣрное не припомню) не служили, то потомки ихъ теряютъ дворянство, есть обычай старый. Я также имѣю причины думать, что въ нашихъ сѣверныхъ городахъ, особенно въ Новѣ-городѣ, было довольно рѣзкое разграниченіе между классомъ правительственнымъ, торговымъ и ремесленнымъ. Посадники, большіе люди и малые люди, или мужи и люди, кажется, соотвѣтствуютъ тремъ сословіямъ, встрѣчаемымъ въ средневѣковыхъ германскихъ городахъ: магистрату, большой гильдіи и малой, или die Grossen und Kleinen, die Männer und Leute. Впрочемъ, это—

¹⁾ На этомъ письмѣ не помѣчены ни годъ ни мѣсяць написанія, но послѣднія фразы: „поздравляю съ праздникомъ; не забудь написать, какъ ты и Николенька выдержите экзамены свои“—указываютъ, что письмо это написано весною, около Пасхи, а сходство его съ письмомъ Ю. Ѳ-ча къ А. Н. Попову отъ 6 октября 1846 г. (см. письмо за № 169) и упоминаніе про поѣздку изъ Риги въ Москву заставляютъ отнести его къ 1847 году. Такъ какъ Пасха въ 1847 году была 23 марта, то письмо это было написано въ концѣ марта или началѣ апрѣля 1847 года.

²⁾ Разумѣется поѣздка Ю. Ѳ-ча въ Москву въ ноябрѣ 1846 г. на свадьбу сестры своей Марьи Ѳедоровны.

25.

(1841).

Вчера я просидѣлъ битыхъ три часа вдвоемъ съ Каролиной Карловной. Мы перебрали все вопросы, которые занимали и занимаютъ васъ и меня. Говорили о Фаустѣ, о Французахъ, о Зандѣ, о безсмертіи души, о Гегелѣ, о любви и т. д. Она прочла мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ недавно вышедшей Философіи Ламене въ 3 частяхъ, толстыхъ и полновѣсныхъ. Еслибъ вы знали, что онъ навралъ о Фаустѣ! Кажется, умный Французъ, Французъ добросовѣстный, съ убѣжденіемъ, терпящій за свои убѣжденія, не гонящійся за литературною извѣстностью, а между тѣмъ клеймо націи, это пристрастіе къ своему, эта ограниченность, эти поверхностныя сужденія еще рѣзче и отвратительнѣе выдаются въ его сентенціяхъ, въ его притязаніи на глубокомысліе. Каролина Карловна сказывала мнѣ, что вы съ ней спорили о томъ, признаетъ ли Гегель откровеніе, признаетъ ли въ Иисусѣ Христѣ Сына Божія, и будто вы сказали, что признаетъ? Въ такомъ случаѣ намъ должно будетъ уяснить этотъ вопросъ, потому что я думаю совсѣмъ иначе. Мнѣ кажется, Гегель понимаетъ всю исторію, все развитіе, какъ откровеніе Божіе, но не принимаетъ откровенія въ извѣстное только время, одному или нѣкоторымъ лицамъ. Какъ вы думаете?—Говорили мы также и очень долго о безсмертіи души, о сотвореніи міра, потомъ перешли къ Шевыреву.—Кстати, что Шевыревъ наговорилъ въ своемъ „Взглядѣ Русскаго на современную образованность Европы“¹⁾!—Читала мнѣ нѣсколько новыхъ стиховъ, очень хорошихъ и т. д.—Пріѣхавши домой, я невольно призадумался—20-е число, und noch nichts für die Dissertation gemacht²⁾! Страшно—не предвижу конца моему коснѣнію. Развѣ твердое намѣреніе, крутой переломъ въ образѣ жизни, развѣ отказаться отъ

¹⁾ Статья Шевырева „Взглядъ Русскаго на современное образованіе Европы“ помѣщена въ № 1 „Москвитянина“ 1841 года, который началъ издаваться Погодинымъ въ этомъ году при дѣятельномъ участіи С. П. Шевырева. Это письмо написано, вѣроятно, въ январѣ или февралѣ 1841 года.

²⁾ Извѣстное восклицаніе Донъ-Карлоса (у Шиллера): Drei und zwanzig Jahre, und nichts für die Unsterblichkeit gethan!

свѣта и баловъ, помолитесь Богу и засѣсть! А завтра у Мещерскихъ балъ, завтра черные глаза К—ой. „Ничего, ничего! Молчанье“...¹⁾ До свиданія.

26.

(1841).

* Вчера я задумалъ крѣпкую думу о моей, увы! неподвижной диссертациі. Мало, очень мало сдѣлано, а сколько еще предстоитъ впереди трудностей и остановокъ. Признаюсь, я вижу ясно, что задумалъ слишкомъ огромный трудъ и не въ силахъ буду выполнить обѣщаніе, которое я далъ самому себѣ. Множество матеріаловъ приводитъ меня въ смущеніе, и я, какъ юродивый домостроитель, долженъ буду уступить ихъ другому за половину цѣны, въ которую они мнѣ достались. Это горькое сознаніе мнѣ одному суждено испытать. Съ вами его не будетъ. Въ диссертациі философской предметъ развивается изъ самого себя, одна мысль выходитъ изъ другой, и нѣтъ трудности въ выборѣ. Напротивъ того, передо мною масса фактовъ, и все кажется мало; эти факты надобно представить въ настоящемъ свѣтѣ и вывести общій результатъ. Найдутся многіе, которые станутъ понимать ихъ иначе, отроютъ какой-нибудь частный случай и вздумаютъ опровергать имъ тысячи другихъ, болѣе важныхъ. Несмотря на то, однажды подъятый крестъ я понесу до конца, какія бы ни суждено мнѣ было терпѣть поруганія. Приближается время вольной страсти.—Все это я говорю къ тому, чтобы увѣдомить васъ, мой любезнѣйшій Аксаковъ, о моемъ намѣреніи отложить занятія логикою до другого, лучшаго времени, т. е. до окончанія диссертациі. Теперь мнѣ нужно все свое время и всѣ силы отдать ей. Итакъ, не ждите меня ни нынче, ни завтра къ Клепферу²⁾ и представьте ему мою просьбу объ увольненіи за неспособностью къ слушанію Гегеля. Убоюсь бездны премудрости! Сейчас получилъ „Мо-

1) Гоголь. Записки сумасшедшаго.

2) Клепферъ—очень образованный преподаватель нѣмецкаго языка, бывшій въ то время домашнимъ учителемъ у кн. Мещерскихъ, впослѣдствіи директоромъ одной изъ московскихъ гимназій. При его содѣйствіи К. С. Аксаковъ изучалъ Гегеля.

ваю одинъ его нападенія, намеки и прочее. Пора на смѣну. Не зову тебя ѣхать вмѣстѣ, потому что поѣду къ нему не прямо изъ дому. До свиданія. Буду у Чаадаева въ началѣ десятаго.

49.

(1843).

Любезный Аксаковъ, благодарю тебя, что подумалъ извѣстить меня о ходѣ; но едва ли мнѣ удастся быть на немъ. Я жду гостей и до двухъ часовъ не выѣду. Головная моя боль прошла; но я все еще не совсѣмъ здоровъ. Чувствую какую-то пустоту и слабость въ умѣ, сердцѣ и въ тѣлѣ. Нынче я, вѣроятно, къ тебѣ заѣду хоть на минуту, ибо буду въ твоей сторонѣ.

50.

(1843) ¹⁾.

Любезный Аксаковъ, мнѣ никакъ нельзя быть у тебя нынче вечеромъ, потому что я послѣ завтра ѣду, а нынѣшній вечеръ употребляю на то, чтобы кое къ кому съѣздить проститься. Я располагалъ пріѣхать къ тебѣ завтра утромъ, рано, т. е. въ 12-омъ или 1-омъ, и отъ тебя ѣхать на лекцію ²⁾. Послѣ обѣда, завтра, съѣзжу къ Погодину за письмами, потомъ на минуту къ Грановскому, а потомъ и домой. Итакъ, до свиданія. Если ты будешь не дома утромъ, то дай мнѣ знать, потому что время дорого и всѣ мои часы до отъѣзда разочтены.

¹⁾ Письмо это относится, вѣроятно, къ 26 ноября 1843 г. и написано Ю. Θ.—чемъ передъ своимъ путешествіемъ по Россіи. Выѣхавъ изъ Москвы на Ярославль, онъ заѣхалъ къ теткѣ своей А. В. Валуевой въ Вельбажскую пустынь Костромской губерніи; отсюда черезъ Симбирскъ проѣхалъ въ заволжское имѣніе своего отца и вернулся черезъ Казань въ Москву въ первой половинѣ января 1844 г.

²⁾ Тимошей Николаевичъ Грановскій (род. въ 1813 г., ум. въ 1855 г.), профессоръ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ, 23 ноября 1843 г. открылъ свой первый публичный курсъ объ исторіи среднихъ вѣковъ; курсъ продолжался до 20 апрѣля 1844 года и имѣлъ большой успѣхъ. Здѣсь разумѣется, вѣроятно, вторая лекція Грановскаго, бывшая 27 ноября.

51.

Казань. Наканунѣ новаго года.
(31 декабря 1843 г.)

Любезный Аксаковъ, насилу я получилъ отъ тебя два письма, посланныя тобою на имя Оболенскаго¹⁾). Благодарю тебя за нихъ отъ всей души, несмотря на досаду, которую они заставили испытать меня. Цѣлыхъ четыре часа я бился надъ ними, и то половины разобрать не могъ. По совѣсти, можно ли такъ писать? Въ Москвѣ пусть бы такъ. Но какое же мнѣ, на такомъ разстояніи, послѣ долгой разлуки, не имѣя никакихъ извѣстій о тебѣ и о всѣхъ нашихъ, получить два письма интересныхъ, давно желанныхъ и сидѣть надъ ними, какъ надъ іероглифами, къ которымъ я не имѣю ключа! Жестоко ты поступаешь со мною! Но это въ сторону; я отъ души благодарю тебя. Помарокъ въ твоёмъ письмѣ много; и за это благодарю тебя, и ты самъ себя поблагодари. Всѣ твои извѣстія меня очень интересуютъ. Радуюсь успѣху Грановскаго и досадою на оплошность Погодина и Шевырева. Все, что ты говоришь по случаю рукоплесканій, я принимаю безусловно и вполнѣ сочувствую; не знаю, почему ты думалъ, что я буду противъ этого спорить. Послушай, Аксаковъ! Ты давно на меня сердиться за то, что съ недавняго времени я чаще сталъ не соглашаться съ тобою и спорить. Я радъ, что ты, наконецъ, высказалъ все то, что у тебя было на сердцѣ. Такъ, я спорю съ тобою, но ради Бога не думай, чтобы я находилъ въ этомъ удовольствіе и чтобы я дѣлалъ это потѣхи ради. Нѣтъ, я спорю съ тобою, потому что давно я веду тяжелый, мучительный споръ съ самимъ собою. Въ письмѣ мнѣ нельзя распространиться объ этомъ, но ты меня любишь, ты повѣришь мнѣ, и потому немногихъ моихъ словъ будетъ достаточно на то, чтобы истребить зародышъ досады на меня, если онъ есть въ твоей

¹⁾ Кн. Дмитрій Александровичъ Оболенскій служилъ въ это время въ Казани, будучи причисленъ къ департаменту министерства юстиціи 25 авг. 1843 г.; черезъ годъ, 8 авг. 1844 г. онъ былъ опредѣленъ исправляющимъ должность казанскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчачаго.

душѣ. Скажу тебѣ одно: все это время я провелъ въ самомъ тяжеломъ расположеніи духа. Вопросы, мнѣ давно знакомые и на время усыпленные, но не побѣжденные, проснулись во мнѣ и требуютъ рѣшительнаго да или нѣтъ. Какое бы слово мнѣ ни пришлось произнести, чувствую, что съ нимъ сопряжена будетъ великая жертва. Кажется, никогда такъ сильно не было во мнѣ раздвоеніе. Мнѣ невыносимо тяжело и грустно. Я не ребенокъ, ты это знаешь; тебѣ я могу высказать все. Много ночей я провелъ въ деревнѣ безъ сна, въ горькихъ слезахъ и безъ молитвы. Бездѣлицу мы вычеркнули изъ нашей жизни: Провидѣніе, и послѣ этого можетъ быть легко и спокойно на сердцѣ? Но я не могу много писать объ этомъ; отложу до свиданія, котораго нетерпѣливо жду. Объ одномъ прошу тебя: не сердись, не досадуй на меня и не осуждай. Болѣе, нежели когда-нибудь, мнѣ нужно твое сочувствіе, полное, довѣрчивое. Кое-чѣмъ я занимался. Статья по случаю Штейна кончена. Многимъ ты, я думаю, будешь доволенъ, а кое-чѣмъ нѣтъ. Передай отъ меня дружеское привѣтствіе и поздравленіе съ новымъ годомъ твоему батюшкѣ ¹⁾, Ивану Сергѣевичу, Павлову, Хомякову, если онъ въ Москвѣ, Языковымъ, Свербееву, Кириевскому, Грановскому, Герцену и всѣмъ нашимъ, а тебя обнимаю крѣпко, отъ всей души.

52.

(1844).

Любезный Аксаковъ, мнѣ нельзя ѣхать на выборы ²⁾: батюшка отправляется завтра въ Симбирскъ и поручаетъ мнѣ кое-какія закупки ему въ дорогу. Если ты поѣдешь одинъ, то возьми на себя исполнить то, о чемъ меня просила и что я обѣщала Кат. Алек. Свербеевой—займи для нея мѣсто. Не знаю, попаду ли я къ Сенявиной. Какъ провелъ ты ночь и какъ себя чувствуешь нынче утромъ? На четвертый пунктъ просить отвѣта твоей Юрій Самаринъ.

¹⁾ Зимѣ 1843/44 г. Аксаковы жили въ Москвѣ, на Никитской, на углу Кудрина, въ домѣ кн. Голицына.

²⁾ Дворянскіе выборы въ Москвѣ были открыты 18 января 1844 года.

53.

(1844).

Любезный Аксаковъ, мнѣ нельзя будетъ ѣхать съ тобою къ Чаадаеву: батюшка далъ мнѣ порученіе, по которому я долженъ ѣхать сейчасъ и, вѣроятно, проѣду прямо къ Чаадаеву, не заѣзжая домой. Впрочемъ, можетъ быть, я и вовсе не попаду къ нему. Каково твое горло?

Середа.

54.

(1844) ¹⁾.

Любезный Аксаковъ, мы собирались съ тобою къ Грановскому нынче вечеромъ; я и ему далъ слово, но у меня экипажа нѣтъ; поэтому я только въ томъ случаѣ поѣду, если ты возьмешься доставить меня туда. Нельзя ли тебѣ ко мнѣ пріѣхать въ 8-омъ часу? Долго оставаться мнѣ нельзя будетъ. Вчера меня сильно напоилъ Герценъ, и теперь у меня въ головѣ ералашъ.

55.

(1844).

Dearest Аксаковъ, Пако былъ у насъ нынче утромъ, но твою записку я получилъ послѣ того, какъ онъ уѣхалъ. Впрочемъ, я буду у него нынче вечеромъ и твое порученіе исполню. Я собираюсь нынче послѣ обѣда къ Грановскому, часовъ въ 5, и пробуду до 8. Оттуда поѣду къ Пако. Хорошо будетъ, если ты тоже къ Грановскому поѣдешь. Нападемъ на него вдвоемъ, врасплохъ; этотъ человѣкъ видимо колеблется.

56.

(1844).

Любезный Аксаковъ, въ 9 я никакъ не могу быть у тебя, потому что въ 8^{1/2} ѣду къ Мещерскимъ, а оттуда къ Гага-

¹⁾ Въ точности нельзя опредѣлить времени, когда были написаны записки за №№ 54 и 55: вѣроятно въ началѣ 1844 года, но можетъ быть и осенью 1843 года.

Мѣсяца Декаврія, дня 5, года отъ
Рождества по плоти Бога Слова
1842, въ богоспасаемомъ градѣ
Москвѣ.

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, спасибо вамъ, что съ вершины Черной Горы вы вспомнили о семихолмной Москвѣ и подали дружескій голосъ двумъ смиреннымъ ея жителямъ, изъ которыхъ одинъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можетъ даже быть названъ ея нѣжнымъ поклонникомъ. Спасибо вамъ за интересныя, живыя извѣстія о Славянскомъ мірѣ. Но, сказать ли вамъ откровенно, мы ожидали другого, и письмо ваше подтвердило слухи о васъ, носившіеся здѣсь и прискорбныя для любящихъ васъ москвичей. Намъ не много, трудящихся надъ однимъ дѣломъ, исполненныхъ одинаковыхъ надеждъ; единство стремленія, соединяющее

обратилъ въ католичество немало представителей петербургскаго высшаго общества, былъ преподавателемъ Петербургскаго іезуитскаго пансіона и профессоромъ Полоцкой іезуитской академіи. По изгнаніи іезуитовъ изъ Россіи, онъ поселился въ Римѣ и былъ одно время фактическимъ правителемъ ордена. Ему поручалось опроверженіе сочиненій, враждебныхъ латинству. Его сочиненія: „*Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe, par un jeune Russe*“ (1816), „*La vérité défendue et prouvée par les faits contre les calomnies anciennes et modernes*“ (Полоцкъ 1817, Avignon 1825), „*L'église catholique justifiée contre les attaques d'un écrivain qui se dit orthodoxe*“ (написано въ опроверженіе сочиненія Стурдзы: „Изслѣдованіе о ученіи и духѣ Православной Церкви“).

1) „*Geschichte Papst Innocens III und seiner Zeitgenossen. Hamburg, 1834—1842*“—сочиненіе Фридриха фонъ-Гуртеръ (Hurter), нѣмецкаго историка, защитника папства, который былъ сперва протестантскимъ пасторомъ, а въ 1844 г. перешелъ въ католичество.

2) Точки въ подлинникѣ.

3) Аксаковъ, Поповъ и Самаринъ.

насъ, несмотря на нѣкоторыя несогласія въ мнѣніяхъ, даетъ право каждому изъ насъ на совершенную откровенность съ другими, для блага этого общаго дѣла. Вы покинули ученую Германію для живого Славянскаго міра. Какъ понимать это неожиданное отступленіе отъ вашего намѣренія посвятить нѣсколько лѣтъ исключительно изученію философіи? Если это только эпизодъ, кратковременное отдохновеніе отъ другихъ занятій, то я вполне его понимаю и радуюсь вмѣстѣ съ вами. Германская жизнь, стянутая условными приличіями, должна была сдѣлаться для васъ тягостною и возбудить въ васъ желаніе подышать свѣжимъ воздухомъ Черногоріи. Но если ваша поѣздка имѣетъ другое значеніе, если Германія и наука, Славяне и жизнь для васъ—одно, то я не могу не сѣтовать. Къ несчастію, нѣкоторыя строки изъ вашего письма заставляютъ меня остановиться на послѣднемъ предположеніи. Участіе къ славянскому возрожденію, съ нѣкотораго времени, принимаетъ такой характеръ, который, мнѣ кажется, дѣлаетъ противодѣйствіе необходимымъ. Многіе стали понимать будущее торжество славянизма, какъ торжество жизни надъ наукою. Я готовъ согласиться, что прекрасенъ міръ Славянъ, что прекрасна эта жизнь свободная, этотъ уцѣлѣвшій бытъ; но существенное его достоинство въ моихъ глазахъ состоитъ именно въ томъ, что этотъ бытъ и эта жизнь можетъ и должна быть оправдана наукою. Только тогда она сдѣлается нашею неотъемлемою собственностью и мы назовемъ ее вполне своею. Поэтому дѣло настоящаго времени есть дѣло науки. Вы знаете, что подъ наукою я разумѣю философію, а подъ философіею—Гегеля. Только принявъ эту науку отъ Германіи, безсильной удержать ее (отъ того, что эта наука выразила требованіе такой жизни, какой не можетъ явить Западная Европа), только этимъ путемъ совершится примиреніе сознанія и жизни, которое будетъ торжествомъ Россіи надъ Западомъ. Между тѣмъ, многіе ¹⁾, кажется мнѣ, слишкомъ склонны любить жизнь, какъ таковую, останавливаясь на ней, ставить ее въ параллель

¹⁾ Едвали подъ „многими“ не разумѣется преимущественно Хомяковъ.

съ наукою вообще и отдавать ей преимущество надъ послѣднею. Согласитесь сами, сколько бы свѣжихъ, невѣдомыхъ никому, но доселѣ сомкнутыхъ силъ ни заключалъ въ себѣ Славянскій міръ, не гораздо ли ниже останется онъ Германіи, положимъ даже издыхающей, пока наука будетъ исключительнымъ ея достояніемъ? Кромѣ того, искать славянскаго духа въ сложности всѣхъ племенъ славянскихъ кажется мнѣ мыслью ошибочною. Цѣлью и окончательнымъ результатомъ всего славянскаго развитія было вынести Россію и въ ней явить средоточіе и всю полноту славянскаго духа, безъ всякой односторонности. Въ этомъ отношеніи я раздѣляю вполнѣ мысль Морошкина¹⁾. Только въ Россіи славянскій духъ дошелъ до самосознанія, условленнаго самоотрицаніемъ. Поэтому я готовъ признать, что изученіе исторіи другихъ родственныхъ племенъ можетъ объяснить многое въ нашемъ развитіи—вы сами представляете тому примѣръ—, можетъ Россія, какъ въ зеркалѣ, узрѣть нѣкоторыя свои стороны, нѣкоторые моменты своего развитія, тѣмъ болѣе, что она прошла черезъ нихъ и они стали ея прошедшимъ, тогда какъ другія племена на нихъ остановились, но я не думаю, чтобы что-либо новое, чего бы въ ней не было, Россія могла получить отъ нихъ. Напротивъ того, для нихъ освобожденіе отъ ихъ племенныхъ односторонностей и осуществленіе въ себѣ общеславянскаго начала возможно только подъ однимъ условіемъ—сознать себя въ Россіи. Все это я пишу къ вамъ наугадъ, не зная навѣрное, какъ вы объ этомъ думаете, но пишу потому, что это—мое убѣжденіе, получившее для меня, послѣ трехлѣтнихъ занятій церковною исторіею, достовѣрность очевидности. Хотѣлось бы мнѣ поговорить съ вами объ этомъ предметѣ моихъ занятій, но чувствую, что трудно мнѣ будетъ не распространиться, и тогда вмѣсто одного листа пришлось бы написать ихъ 10 такихъ. Скажу вамъ одно: изученіе Православія, конечно ограничившееся однимъ моментомъ—проявленіемъ въ немъ двухъ односторонностей: католической и протестантской—привело меня къ результату, что Православіе явится тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть,

1) Федоръ Лукичъ Морошкинъ, см. примѣч. 5-ое къ письму за № 4.

и восторжествуетъ только тогда, когда его оправдаетъ наука, что вопросъ о Церкви зависитъ отъ вопроса философскаго и что участь Церкви тѣсно, неразрывно связана съ участіемъ Гегеля¹⁾. Это для меня совершенно ясно, и потому съ полнымъ сознаніемъ отлагаю занятія богословскія и приступаю къ философіи. Господи Боже мой, какой бы завязался у насъ споръ, если бъ вы были здѣсь! Жаль! Теперь дописываю вторую часть; много новаго и очень интереснаго я узналъ объ отношеніяхъ церкви къ государству въ Россіи. Первую часть я совершенно передѣлалъ и она уже переписана, но напечатана не будетъ. Вотъ уже 2½ мѣсяца, какъ я живу въ деревнѣ совершенно одинъ, и не прежде переѣду въ городъ, какъ окончивши мой трудъ. Въ Москву же я пріѣзжаю каждыя двѣ недѣли повидаться съ своими. Удивляюсь, какъ вы не получили двухъ нашихъ писемъ. Одно было къ вамъ послано по почтѣ, а другое вручить вамъ вмѣстѣ съ брошюркою Аксакова о Гоголѣ мой двоюродный братъ millesimus ex gente Obolenscia, служащій при Берлинскомъ посольствѣ²⁾. Прощайте. Обнимаю васъ и прошу не оставлять безъ извѣстія о себѣ. Аксакову я еще не успѣлъ сообщить вашего письма; по настоящему обо всемъ этомъ слѣдовало бы писать ему, оттого что это собственно его вопросы; но онъ не будетъ на меня сердиться за то, что я зашелъ въ его владѣнія. Я увѣренъ, что онъ одного со мною мнѣнія о славянизмѣ и напишетъ вамъ то же подробнѣе, живѣе и убѣдительнѣе. Еще разъ прощайте. Передайте отъ меня поклонъ Панову³⁾.

1) Мысли, изложенныя въ этомъ письмѣ, объ отношеніи Россіи къ Славянамъ и Православію къ философіи Гегеля имѣютъ значеніе, по тогдашнему выраженію, момента въ развитіи Ю. Ф.-ча. Въ 1843 году, какъ объяснено въ предисловіи къ первому отдѣлу писемъ Ю. Ф.-ча, вопросы, возбужденные философіею Гегеля, породили въ Самаринѣ внутреннюю борьбу, которая разрѣшилась въ 1844 году подъ воздѣйствіемъ Хомякова.

2) Кн. Михайлъ Александровичъ Оболенскій съ 29 августа 1842 г. по 26 ноября 1843 г. состоялъ при нашей миссіи въ Берлинѣ.

3) Василий Алексѣевичъ Пановъ (род. въ 1819 г., ум. въ 1849 г.)— писатель—славянофилъ, авторъ брошюры: „Путешествіе по землямъ западныхъ и южныхъ Славянъ“, издатель двухъ „Московскихъ Сборниковъ“ 1846 и 1847 гг.